

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

ОСТРОВ КОШМАРОВ
•
КОРОНА И ПЛАХА

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б94

В оформлении обложки использован коллаж
Сергея Груздева

Бушков, Александр Александрович.
Б94 Остров кошмаров. Корона и плаха /
Александр Бушков. — Москва : Эксмо, 2020. —
384 с. — (Бушков. Непознанное).

ISBN 978-5-04-113156-2

Современные англичане забыли о многих своих гнусных «изобретениях», например об институте «сервентов» XVII века.

За сто с лишним лет Британия насильно отправила в Америку в общей сложности 50 000 белых рабов — своих граждан! Их перевозили в битком набитых трюмах, в которых оголодавшие люди охотились за корабельными крысами, а иногда доведенные голодом до безумия пассажиры поедали трупы умерших спутников.

Число белых рабов превышало число черных. Данные по Вирджинии за 1683 год гласят о трех тысячах черных рабов и двенадцати тысячах белых.

И наконец, самая неприглядная страница в истории сервентов: в колонии из Англии насильно отправляли детей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113156-2

© Бушков А.А., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

При беге в мешках побеждает не тот, кто лучше бежит, а тот, кто лучше бежит в мешке.

Х/ф «Круг».

«НАШ ШОТЛАНДСКИЙ ПЛЕМЯННИК»

Смерть Елизаветы Тюдор была и смертью целой эпохи. Времени яркого, неоднозначного, бурного и буйного — не только для Англии, но и для всей Европы. Гораздо позже Денис Давыдов, блестящий гусар, гуляка, поэт и отважный партизан Отечественной войны 1812 года, напишет о новых временах:

Век был бурный, буйный век.
Но смешались шашки,
и полезли из щелей
мошки да букашки...

Именно так и обстояло в XVII в. по всей Европе. Понемногу уходили в прошлое пресловутые «шляхетские вольности». Какое-то время продолжался, по выражению Дюма, «разгул буйного дворянства». Однако эскапада д'Артаньяна с подвесками королевы, пусть и вымышленная, но крайне похожая на иные реальные выходки благородных донов, была бледным отголоском, агонией былого дворянского разгула. Понемногу на первый план выдвигались «денежные мешки», часто самого неблагородного происхождения, власть потихонечку переходила к

ним. Знатные люди, жившие по прежним законам, частенько лишались головы на плахе — достаточно вспомнить времена кардинала Ришелье. Войны все чаще велись не из «рыцарства» (самый яркий пример — Столетняя), а уже по чисто экономическим поводам.

Знаменитости елизаветинских времен порой были отпетыми негодьями и законченными мерзавцами, но все поголовно были Личностями. Яркими, неоднозначными, ни в чем не признававшими середины. Убивали королей прямо-таки непринужденно, если грабили на морях, то серебро собирали тоннами, золото — бочонками, а самоцветы — сундуками. Пираты писали неплохие стихи, философские трактаты и исторические труды. Ученые книжники пускались с размахом во всевозможные авантюры, морочили головы королям и выманивали огромные деньги, обещая сделать золото из битых черепков...

Семнадцатый век стал в чем-то спокойнее, а в чем-то — гораздо скучнее...

Король Иаков Первый массовому читателю известен мало и, в общем, практически забыт. Его заслонили правления Елизаветы и Карла Первого (последний знаменит в первую очередь благодаря роману Дюма «Двадцать лет спустя»). Между тем Иаков — фигура примечательная, достойная отдельного рассказа.

Иные историки откровенно старались его унижить и принизить. Самый яркий пример — Чарлз Диккенс, прямо-таки безжалостный к королю. «Наш племянник из Шотландии» был уродлив, нескладен и дурковат, словом, не пригож и не умен.

Язык у него едва умещался во рту, слабые ноги с трудом удерживали туловище, а глаза вращались в орбитах, будто у идиота. Был он коварный, завистливый, расточительный, ленивый, пьющий, сластолюбивый, нечистоплотный, трусливый, бранчливый и самый чванливый человек на свете».

Одним словом, тупой монстр. Полное впечатление, что Иаков и Диккенс были современниками и Иаков чем-то крепенько Диккенсу насолил — скажем, шулерски обыграл в карты на приличную сумму или злодейски совратил любимую племянницу. При всей моей любви к Диккенсу, коего читаю и перечитываю почти полсотни лет, должен сказать: на сей раз великий писатель оказался крайне несправедлив и пристрастен к своему герою. Крайне. Некоторые из приведенных им эпитетов к Иакову вполне приложимы, но некоторые истине не соответствуют.

Гораздо более объективен Дж. Р. Грин. «Под этой смешной внешностью скрывался человек с большими природными способностями, отличный ученый, с большим запасом остроумия, пронизательности и находчивости. Его меткий юмор характеризует политические и богословские споры эпохи ловкими оборотами, каламбурами, эпиграммами, ироническими замечаниями, все еще сохраняющими свой вкус. (Грин писал свой труд в XIX в. — А.Б.) Он был очень начитан, особенно в богословских вопросах, и мило писал о самых различных предметах, начиная с предопределения и кончая табаком».

Правда, и Грин не удержался, подпустил шпильку: «Но вся его пронизательность и ученость только делали его, по выражению Генриха Четвертого,

«ученейшим дураком в христианстве». Тоже довольно несправедливое замечание...

Хорошо написал об Иакове современный отечественный исследователь, автор многих интереснейших исторических книг В. Шамбаров: «Его твердая линия, взвешенная внешняя политика и жесткое управление не позволили стране откатиться в революционные и религиозные распри, обеспечили ей четверть века процветания, великолепный расцвет культуры». Вот это гораздо более объективно. Ну а безусловно положительный отзыв об Иакове сэра Уинстона Черчилля я приведу позже, когда для этого настанет время.

Безусловно, Иаков был не лишен откровенных чудачеств. Впрочем, в Англии о таком говорят гораздо более дипломатично: «Очень эксцентричный джентльмен, знаете ли...» Иаков, например, постоянно носил весьма своеобразный наряд — этакую мантию от шеи и до пяток, сделанную из нескольких слоев толстого сукна. Он всю жизнь опасался покушений на свою жизнь (каковых так и не последовало), а такая одежда могла с успехом задержать лезвие кинжала. Во многом походила на русский тегилый, воинский доспех, употреблявшийся еще в XVII в., — длинный кафтан из такой же толстой ткани, простеганный, с ватной подкладкой. От пули он не защищал, но удерживал стрелы — луки тогда широко использовали крымцы, ногайцы и прочие воевавшие с русскими «басурманские» народы, да и сами русские. Эта боязнь покушений все же, мне думается, не имеет ничего общего с классической манией преследования, которую приписывают Иакову иные

авторы. Кое-какие основания для таких мер предосторожности, безусловно, были: два предка короля, тоже шотландские короли и тоже Иаковы, были как раз зарезаны заговорщиками. Да и мать Иакова была казнена в Англии — что, безусловно, не прибавляло королю жизненного оптимизма...

Эксцентричность Иакова ярко проявилась в самом начале, во время его путешествия из Эдинбурга в Лондон, чтобы короноваться там английской короной. Между Эдинбургом и Лондоном — пятьсот с лишним километров, но это если считать по прямой, «полетом ворона». А тогдашние дороги по идеальной прямой не шли, так что, я прикидываю, стоит увеличить это расстояние километров до шестисот. В те времена, даже если не гнать лошадей, этот путь можно проделать за какие-то две недели.

Иаков ехал месяц, делая в день не более двадцати километров. Примерно так из одной столицы в другую добрался бы пешеход — будь он здоров и располагай достаточными деньгами, чтобы ночевать в уюте и хорошо питаться. Такое впечатление, что Иаков не любил спешки в подобных делах. По пути он приказал повесить воришку, пойманного местными жителями на месте преступления (иронический комментарий Диккенса: «Для пробы сил»). На пути произвел в рыцарское достоинство двести человек, а по другим источникам — целых триста (иронический комментарий Диккенса: «Всех, кто подвернулся ему под руку»). Добравшись до Лондона, он за три месяца возвел в рыцари еще семьсот человек, а в палату лордов добавил 62 новых пэра, в большинстве шотландцев. Пожалуй, это была ни-

какая не эксцентричность, а точный расчет: чужой в Англии, Иаков одним махом обзавелся немалым числом приверженцев, обязанных дворянством лично ему.

На престол Иаков взошел без малейших затруднений, что не всякому английскому королю (или королеве) удавалось. Его публично провозгласили королем уже через несколько часов после смерти Елизаветы. И знать, и простой народ, да абсолютно все отнеслись к этому совершенно спокойно. Вполне возможно, всем попросту осточертели прежние свары претендентов на трон, частенько выливавшиеся в гражданские войны, и захотелось стабильности.

Забегая вперед, скажу, что эта стабильность сохранялась во все время правления Иакова. Не случилось крупных смут, какие в прежние времена устраивали либо знатные особы, либо крестьяне, либо все вместе. В разных графствах произошло примерно семь крестьянских бунтов, но весьма локальных, подавленных быстро и без большой крови. Да еще в Лондоне в 1617 г. была шумная и принявшая широкий размах забастовка ремесленников, подмастерьев и учеников. Вызванная довольно-таки вескими причинами: рабочий день составлял 16 часов, а платили сущие гроши. Забастовку подавили жестко, зачинщиков, как водилось в те времена, повесили тут же — тогда еще не существовало ни профсоюзов, ни горластых племен правозащитников (вся эта роскошь появится гораздо позже). И это — всё. За двадцать два года правления Иакова Первого почти не было ни заговоров против него знати, ни попыток покушения — кроме одной-единственной исто-

рии, широко известной, но очень уж мутной (к ней мы вернемся позже).

Очень быстро после коронации Иаков подписал «договор о дружбе и сотрудничестве» с Испанией. Чем завершил тянувшуюся чуть ли не двадцать лет англо-испанскую войну, сводившуюся в основном к морским сражениям (но имели место и битвы на суше, в Нидерландах). По большому счету, Англии эта война была совершенно не нужна. У Испании были для войны достаточно веские причины: во-первых, претензии испанского короля на английский трон были признаны и поддержаны всем католическим миром с папой римским по главе. Во-вторых, завоевание Англии для Испании означало ликвидацию крупнейшего в Европе пиратского гнезда — крышуемые Елизаветой «морские собаки» причиняли Испании огромный ущерб.

И наоборот — у Англии не было мало-мальски серьезных причин для войны. Разве что ослабить, а то и вовсе, если удастся, полностью покончить с испанским владычеством в Нидерландах. Что ж, задача была частично выполнена: получая поддержку из Англии оружием и деньгами (а однажды и воинским контингентом), голландские повстанцы-гёзы в конце концов освободили от испанской власти десять из семнадцати нидерландских провинций, которые и объединились в Голландскую республику. Для Англии это был мимолетный тактический успех, но крупный стратегический проигрыш. Дело даже не в том, что семь провинций (нынешняя Бельгия) остались в составе испанской империи. В середине века Голландия стала главным соперником Англии

в борьбе за морское могущество и крупнейшим конкурентом в торговле и захвате колоний. Англо-голландские войны (сводившиеся в основном к крупным морским битвам, хотя случались сражения и на суше) тянулись почти полвека и отняли у Англии немало жизней, сил и денег. Что называется, вырастили себе на голову...

Так что заключение мира с Испанией было нешуточной заслугой Иакова, обеспечившего этим стране мир на двадцать с лишним лет. За все время правления Иакова Англия вообще ни с кем не воевала, что делает Иакова едва ли не белой вороной в сравнении со многими его предшественниками и преемниками.

Единственное исключение — события 1619 г. в германском княжестве Пфальц. Тогда в который раз схватились меж собой лютеранские и католические князья. Зажгли чехи. Чехия тогда доживала последние годы в качестве независимого королевства (впрочем, чисто номинально — чешский королевский престол сохранился, но его обычно занимали императоры Священной Римской империи). Когда умер император Матиас и его преемником (а по совместительству и чешским королем) стал его двоюродный брат Фердинанд, чешские вельможи-протестанты заявили, что этого не признают, и избрали своим королем молодого курфюрста Пфальцкого Фридриха (тоже протестанта, в отличие от католика Фердинанда). Началась долгая и кровавая заварушка — на помощь Фридриху пришли лютеранские германские князья, на помощь Фердинанду — закаленная в боях испанская армия. Военное счастье оказалось на стороне Католической лиги: Фридриха, не

блиставшего талантами полководца, вдребезги разбили в знаменитой битве у Белой горы под Прагой (1620 г.), после чего Чехия окончательно потеряла статус королевства и без малого триста лет оставалась не более чем провинцией сначала Священной Римской империи, потом Австрийской (ставшей позже Австро-Венгерской). Фридрих бежал к единоверцам в Северную Германию, а Пфальц заняли испанцы.

Иаков принимал в событиях активное участие — чисто политическое. Причины вмешаться у него были по тем временам довольно веские — женой Фридриха была дочь Иакова Елизавета. Сначала Иаков долго и безуспешно уговаривал зятя оставить Чехию и вернуться в Пфальц. Фридрих наотрез отказался — гораздо престижнее быть чешским королем, чем курфюрстом маленького Пфальца. Ну и доигрался.

Однако и тогда на континент не отправился ни один солдат регулярной английской армии, и никакой материальной помощи из Англии не поступило. Иаков всего-навсего разрешил отправиться на войну сэру де Веру во главе небольшого отряда добровольцев-протестантов (иногда таких можно назвать «добровольцами» исключительно в кавычках, но на сей раз это были добровольцы без кавычек, идейные — отправились помочь единоверцам). Это единственный случай вооруженного вмешательства англичан в европейские дела — причем государство к этому не имело ни малейшего отношения. Кстати, английский отряд никакой роли в событиях не сыграл, вообще не принял участия в войне — он добрался в Чехию, когда военные действия уже закончились. Сэр де Вер, смущенно потоптавшись на месте, плюнул и велел отряду